

УДК 930.23

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.397-411

СТАТУС КАСИМОВСКИХ ЧИНГИЗИДОВ ПРИ ВАСИЛИИ II И ИВАНЕ III ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

М.А. Несин

*Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
Санкт-Петербург, Российская Федерация
petergof-history@yandex.ru*

Цель: изучить проблему статуса касимовских Чингизидов и отношения на Руси к служилым и союзным Москве татарам при великих московских князьях Василии II и Иване III.

Материалы исследования: исследование проведено на основе анализа опубликованных и неопубликованных источников: разрядные книги, летописи, актовый материал, дипломатические документы и т.д.

Результаты и научная новизна: эта работа представляет собой первое комплексное исследование данной проблематики. Автор приходит к выводу, что касимовские правители в этот период считались служилыми, вассальными по отношению к Московскому княжеству. Этому способствовало удельное положение Касимова, который считался частью великокняжеских владений, а не суверенным осколком Золотой Орды. Касимовские Чингизиды не располагали большими военными силами, чтобы создать в степи независимое ханство, способное конкурировать с той же Казанью, и опирались на сильное Московское княжество, неся, в свою очередь, ему военную службу и получая деньги на содержание, и подчиняясь великокняжеским распоряжениям. При этом Иван III даже рассматривал возможность прижизненной замены Данияра в Касимове на другого служилого царевича. Кроме того, автор показывает, насколько по-разному относились к служилым татарам и союзным Москве татарским отрядам в разных русских землях.

Ключевые слова: Касимов, Касим, Данияр, Нур-Девлет, Иван III, Слатыган, Василий II, Московское княжество, Казанское ханство

Для цитирования: Несин М.А. Статус касимовских Чингизидов при Василии II и Иване III по данным письменных источников // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 397–411. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.397-411

В современной историографии вопрос о статусе Касимова в XV – нач. XVI в. остается дискуссионным [4; 30]. В соответствии со своими взглядами на него исследователи характеризуют положение касимовских правителей либо как зависимое от московской великокняжеской власти, либо, наоборот, как в значительной степени самостоятельное.

Исследователи придерживающиеся мнения о вассальном положении Касимова в изучаемый период, не обнаруживают у него признаков отдельного государства и изображают местных Чингизидов в качестве служилых царевичей, несущих военную службу московским правителям [3; 4; 9; 34]. Наиболее обстоятельно эта точка зрения представлена в работах А.В. Белякова [3; 4]. Исследователь полагает, что титул ханства возник исключительно «на кончике пера» В.В. Вельяминова-Зернова [3].

В то же время сторонники точки зрения об относительно независимом положении Касимова (наиболее развернуто представленной в трудах Б.Р. Рахимзянова [27, с. 49, 112–116]) опираются на актовый материал, содержащий сведения об обязательстве великих московских и рязанских, а также удельных князей, выплачивать средства на содержания касимовских правителей. С точки зрения данных авторов, это свидетельство достаточно независимого статуса касимовских Чингизидов [10, с. 174; 27, с. 49, 115–118; 29, с. 257–260; 30, с. 121–122; 35, с. 25–27]. Вместе с тем А.Г. Бахтин показал, что эти грамоты допустимо трактовать как обязательство оплачивать оклад за службу московским вассалам. При этом, согласно наблюдению ученого, само понятие выплаты дани приобрело в Московском государстве двоякое значение: ее платили, например, в 1504 г. для содержания татар в Казани, находившейся в то время под московским влиянием [2, с. 172–179]. Кроме того, Б.Р. Рахимзянов обращает внимание на содержащийся в договоре великого московского и великого рязанского князей 1483 г. запрет рязанскому князю общаться с касимовским царевичем и заключать с ним договоры. По его мнению, это стоит понимать как признание в Москве касимовского царевича самостоятельной «силой» и проявление со стороны московского правительства недоверия к оному Чингизиду [27, с. 49]. Вместе с тем такая трактовка представляется не вполне убедительной: данный запрет можно трактовать и по-другому. Например, как требование не переманивать московского вассала. Московский великий князь мог давать понять рязанскому правителю, также имевшему великокняжеский титул, что его соучастие в содержании касимовского царевича не дает ему на того никаких прав. Тем более, что согласно указанному договору рязанскому князю поручается оставлять жить в своем княжестве беглых мешчерских ясачных людей и собирать с них «по силе» ясак для касимовского Чингизиды – столько, сколько те ему смогут выплатить [8, с. 283, 287–288]. В этой связи московский князь имел основание прописать запрет рязанскому правителю когда-либо вступать в какое-либо сношение с мешчерским царевичем.

При этом статус самих касимовских Чингизидов при Василии II и Иване III до сих пор является малоизученным, так как ученые в основном обращали внимание на вышеуказанный актовый материал.

В 2016 г. в данном издании вышла статья А.В. Белякова, посвященная правовому статусу крымских выходцев на московской службе в XV–XVII в. Однако положение Нур-Девлета (тем более в качестве касимовского правителя) в ней не рассматривается; как и его сына Салтыгана, который также являлся одним из касимовских Чингизидов [5].

Недавно мной были рассмотрены свидетельства о статусе служилого царевича Касима, и я пришел к выводу, что он считался служилым царевичем, состоявшим на московской службе, а также показал, что по данным русских источников Касимов в XV – начале XVI в. не значился особым государством, а считался территорией Московского княжества, а его царевичи – жившими на великокняжеской земле [16].

По данным Ермолинской летописи, Касим «служыл» Василию II еще до его свержения в феврале 1446 г. [18, с. 153]. В дальнейшем он это положение сохранял. В 1467 г., по приказанию нового московского князя Ивана III, он попытается занять вакантный казанский престол [18, с. 158; 19, с. 276, 350;

21, с. 91; 22, с. 408; 24, с. 183]. (О том, что Касим выполнял «службу» Ивана III, говорит и заголовок летописного рассказа великокняжеского летописного свода о данном походе [19, с. 222; 20, с. 126]).

Важно отметить, что согласно посланию церковных иерархов Дмитрию Шемяке 19 декабря 1447 г. состоявшие на службе у Василия II татары считались проживавшими в пределах великокняжеских владений: в ответ на сетования Шемяки, что татары «изневолили» Москву, иерархи ему обещают, что Василий II «татарь изъ земли вонь отошлетъ», как только тот со своей стороны исполнит все условия мирного договора [1, с. 79]. Не ясно, получил ли Касим в то время Мещерский городок (Касимов). У Василия Темного в те годы не было никаких оснований выделять ему в дар отдельное государство за пределами Руси. Тем более, что сын Касима, следующий касимовский царевич, согласно договорным грамотам Ивана III с его братьями 1473 г., считался проживавшим на территории великокняжеских земель.

Вместе с тем статус остальных касимовских Чингизидов изучаемого периода до сих пор остался комплексно неизученным. В данной работе мы постараемся заполнить эту лакуну.

Сын Касима, Данияр, как и отец, был служилым царевичем московского князя и подчинялся великокняжеским распоряжениям, например, в ходе участия в Московско-новгородской капании 1471 г. Участвовавшим в ней касимовским татарам московский князь «не велел» брать в плен русское население [24, с. 190]. В отличие от основной части своих татар (следовавших сперва в колонне князя И.В. Стриги Оболенского, затем переброшенных в колонну князя Д.Д. Холмского) он ехал с Иваном III в центральной колонне, имевшей особый, правительственный состав: в ней находились и все участвовавшие в походе великие князья. Поэтому, в отличие от своих татар, принявших участие в решающей Шелонской битве с новгородцами, он не был на р. Шелони. Когда через 4 дня, 18 июля в великокняжеский стан в с. Яжелбицы прибыл гонец с вестью о разгроме новгородского войска, Данияр находился там с Иваном III и удельными князьями, за исключением Михаила Верейского, который был послан осаждать новгородский г. Демон [14].

Вернувшись в Москву из похода на Новгородскую землю 1 сентября 1471 г, Иван III «отпусти» царевича «в Мещеру» [24 с. 191].

В 1472 г., после окончания войны с ордынцами на р. Оке, Иван III «отпустил» из Коломны царевича Данияра в Касимов [19, с. 250]. В обоих случаях Данияр возвращался к себе лишь после того, как Иван III его «отпустил».

В историографии хорошо известен составленный в 1473 г. договор Ивана III с братьями, в котором оговаривалась необходимость выделять средства на содержание Данияра.

Вместе с тем исследователи не обратили внимание на следующий пункт, содержащийся в этих договорах 1473 г. нижеуказанных обязательств о содержании Данияра или его преемника: «А буде мне, брате, великому князю, и сыну моему, великому князю, иного царевича отколе принять в свою землю своего для дела и христианского для дела, и тебе держати с нами с одного». В ответных грамотах от удельных князей, соответственно, он принимал следующую форму: «А будет тебе господину великому князю, и сыну твоему, великому князю, иного царевича отколе принять в свою землю своего для дела и христианского для дела, и тебе и того держати с нами с одного» [8, с. 226, 228,

231, 234, 236, 238, 240]. Как мне уже приходилось отмечать, из этого однозначно следует, что Данияр, соответственно, также сидел не на своей, а на великокняжеской земле (о чем, кстати, сообщает в те же 1470-е гг. и независимый свидетель – посетивший Московское княжество итальянский дипломат А. Контарини, записавший знаменитый рассказ о татарине, которого Иван III держал на границе своих земель и выплачивал ему деньги на содержание, на которые тот держал 500 всадников; в этом татарине ученые не без основания видят Данияра) [15]. Однако при этом данный пункт о приеме на великокняжескую землю инога царевича, по-видимому, подразумевал возможность при жизни заменить им Данияра или его преемника, который будет «по нем», потому как этот «иной царевич» явно им обоим противопоставлен в качестве отдельного персонажа. В тоже время, если бы это условие просто касалось приглашения на службу в Московское княжество еще одного татарского царевича, то это всегда неизменно бы повторялось в последующих междукняжеских договорах вслед за практически дословно воспроизводимыми обязательствам о совместном содержании касимовских Чингизидов Данияра, Нур-Девлета и др.; тем более, что после 1473 г. на московскую службу поступали новые татарские царевичи. Но мысль о том, что Данияр мог быть в любой момент сменен Иваном III в Касимове на другого царевича при жизни, а не посмертно, в принципе должна была легко усваиваться родственниками великого князя и повторений не требовала. Главное было постоянно напоминать удельным князьям, что они должны содержать любого, кто будет посажен великим князем в Касимове, когда бы то ни было. В XV в. Касимов был не единственным городом, где проживали служилые татары – известен, к примеру, Новый городок на Оке, где жил Муртоза. Однако в их числе Городец Мещерский, он же Царевичев Городок, играл особо важную роль. И если бы Иван III ставил какого-то служилого царевича выше, чем Данияра, он, видимо, теоретически мог его туда посадить вместо последнего, а того – выслать в другое место.

В великокняжеском наказе к московскому послу в Крым, Алексею Старкову, выехавшему из Москвы 23 марта 1475 г., имеется список, по которому хан Менгли-Гирей должен был составить договор с московским князем «за-один» стоять против его врагов. Взамен от великого князя требовалось, в частности, чтобы тот «царевичев своих Данияра и Муртазу на Орду отпуска-ти» в случае вторжения в Крым большеордынских татар [31, с. 12]. Данияр здесь фигурирует в качестве вассального царевича, обязанного по великокняжескому распоряжению отправляться на войну против Большой Орды.

В 1477 г. Данияр участвовал в московском походе на Новгород. В нем, согласно прямым сообщениям источников, он следовал великокняжеским распоряжением. Так, по данным великокняжеского летописания, он выступил из Москвы на 4 дня раньше великого князя (т.е. 5 октября) и направился через Клин в Торжок, как «велель» Иван III, а 1 декабря московский князь «велел» ему с его войском стать на постое под Новгородом в 2 пригородных монастырях – Кирилове и Андреевском [17, с. 207, 213]. Псковский летописец, хорошо информированный о деятельности Данияра под Новгородом, о мерах, принятых новгородцами к обороне, и неудачной попытке Ивана III взять город штурмом, объявляет, что Данияр «служил» великому князю, пытаясь наряду с другими великокняжескими войсками одолеть сопротивление новгородцев возле городских внешних укреплений [25, с. 214]. И, наконец,

есть косвенные свидетельства о том, что в том походе он следовал и другим великокняжеским распоряжениям: в конце ноября 1477 г. он находился вместе с отправленными Иваном III русскими полками в новгородские предместья; есть сведения, что он тогда внезапно вторгнулся в неукрепленные новгородские посады и пригородные монастыри, а также ушел кормиться 31 декабря 1477 г. за счет разорения новгородских сел вместе с посланной московским князем «по корм» половиной русских войск, так как на другой день он вновь воротился под Новгород [13].

В 1486 г. в Касимове вместо Данияра сидел «царь» Нур-Девлет из крымской Династии. В 1487 г. его брат, Муртаза, прислал ему и Ивану III послания, в которых предлагал Нур-Девлету оставить московскую службу и вступать на крымский престол. Тексты обоих писем опубликованы В.В. Вельяминовым-Зерновым, но, к сожалению, не проанализированы на предмет статуса Нур-Девлета в качестве касимовского правителя. Вместе с тем он там изображен достаточно отчетливо. В послании к Ивану III высказывалась просьба «отпустить» Нур-Девлета в Крым, а в письме к Нур-Девлету – оставить землю «поганую» (под которой явно подразумевается Русь, а точнее – Московское княжество). Притом он, Муртаза, о том же писал «Ивану» (Ивану III, великому московскому князю) в особом письме [6, с. 140, 142]. Из этих посланий четко вырисовывается статус служилого Чингизида, который проживает на территории «поганой» Московской земли и состоит на службе у московского государя, вольного его «отпускать». Д.М. Исхаков отметил, что в источниках «Мещера несколько раз именуется «юртом» [10, с. 194]. В то же время стоит заметить, что сам исследователь с привлечением в сносках наглядных примеров весьма убедительно показал, что «иногда в позднетатарских ханствах» того времени термин «юрт» использовался «и для обозначения княжеств, входящих в состав ханств» [10, с. 194, 208]. Положение Мещеры, которая находилась на территории владений великих московских князей вполне подходило под это определение. По мнению А.В. Белякова, крымские выходцы на московской службе занимали более привилегированное положение, чем иные Чингизиды [5]. Но в данном случае мы не можем проследить наличие у него реально больших прав по сравнению с иными касимовскими правителями. Равно как и у его сына Салтыгана, который, по верному наблюдению В.В. Вельяминова-Зернова, к 1491 г. занял в Касимове место отца [6, с. 144].

Согласно великокняжескому летописанию, в мае 1491 г. Иван III «пусти» против вторгшихся на территорию Крымского ханства большеордынцев сына Нур-Девлета, касимовского «царевича» Салтыгана [17, с. 38], а также отряды русских воевод, а кроме того, «велел» казанскому хану Мухаммад-Аминю послать в этот поход своих воевод (Казань в то время находилась под московским влиянием). Московский князь таким образом, поддержал своего союзника, крымского хана Менгли-Гирея, против которого воевали большеордынские «цари» Сеид-Ахмет и Ших-Ахмет.

Таким образом, касимовский царевич Салтыган, как и его предшественники, нес военную службу московскому князю, участвуя по его инициативе в военных походах против его недругов.

Нужно подчеркнуть, что титул касимовских правителей – царь, царевич – определялся не в связи с их нахождением в Касимове.

Первые касимовские «царевичи», потомки Улуг Мухаммада, Касим и его сын Данияр, всегда фигурировали в источниках, как царевичи. А вот преемник Данияра – Нур-Девлет («Нурдавлат»), происходивший из крымской династии и одно время занимавший престол крымского ханства, – наоборот, величался «царем». А вот его сыну Салтыгану крымское княжение обещано не было: он унаследовал от отца только служилое положение касимовского Чингизида и именовался исключительно «царевичем».

В договорных грамотах Ивана III с Борисом Волоцким 20 августа 1486 г. упоминаются обязательства выплачивать средства на содержание как касимовского «царя» Нур-Девлета, так и «инога» «царя» и «царевича», которые будут на «том месте» [8, с. 318, 321] – в Касимове. Аналогичный оборот упомянут в договорных грамотах московского правителя с другим удельным князем, Андреем Углицким, составленных в ноябре того же года [8, с. 325, 328].

Как видно, статус касимовских правителей заметно отличался от ханов постзолотоордынских государств, вроде Крымского, Казанского ханств и Большой Орды. Их в московских источниках всегда величали царями. А касимовский стол, расположенный в составе земель великого Московского княжества, такого титула Чингизидам не гарантировал. И в Москве отношение к выплатам средств на содержание касимовских Чингизидов было совсем иным, нежели к ордынскому «выходу».

В составленных в 1496 г. договорных грамотах Ивана III с Федором Рязанским упоминается «ясак» касимовского царевича Салтыгана и иных царевичей, что будет на его месте, который рязанский князь должен по старой традиции выплачивать наряду с ордынским «выходом». Однако, если великий московский князь сам перестанет на это выделять средства, то не будет взимать с рязанского [8, с. 334, 338].

В.В. Вельяминов-Зернов отметил это обстоятельство, как важное свидетельство правления в Касимове царевича Салтыгана [6, с. 149].

Любопытно, что ясак касимовским Чингизидам противопоставлен ордынскому выходу, несмотря на то, что и то, и другое означало выплату средств. Просто, по-видимому, Иван III обозначал так отличие статусов Орды и касимовских царевичей. Выплата дани ордынским царям была, с точки зрения московского князя, совсем не тем, чем содержание вассального служилого царевича. Ведь по отношению к ордынским ханам московские князья сами долгое время сохраняли вассальный статус.

Правда, для 1496 г. упоминание об ордынском выходе могут казаться несвоевременными: в 1470-х гг. Иван III покончил с даннической зависимостью от нее [7; 12; 33].

Но в договорных грамотах с рязанскими князьями то же самое условие об уплате ордынского выхода упоминается и позднее – в 1504 г., со ссылкой на давнее завещание Василия II [8, с. 267–369]. А к 1504 г. Большая Орда, как государство, уже не существовала.

Такие же условия, кстати, и после Стояния на Угре имелись в договорах московского князя Ивана III с удельными князьями – в тех же вышеуказанных договорах 1486 г. с Андреем Углицким и Борисом Волоцким [8, с. 318, 321, 325, 228].

По-видимому, эти пункты на практике означали уже не реальную необходимость платить дань в Орду, а напоминание об обязанности выплатить определенную сумму, если понадобится. Несмотря на то, что Иван III пере-

стал платить в Орду дань с начала 1470-х г. и входе Стояния на Угре 1480 г. окончательно покончил с ордынскими притязаниями на владычество над Русью и возобновление систематической уплаты дани, все же сохранялась вероятность необходимости эпизодических выплат, как, например, в 1501/1502 гг. Тогда Иван III предпочел откупиться от большеордынского хана Шейх-Ахмета разовыми подарками, чтобы тот не объединялся против Москвы с Литвой, пока та конфликтовала с Ливонией. Вероятно, Иван III фактически подразумевал в договорах с рязанским и удельными князьями именно вероятность подобных случаев. Тем более, что после падения Большой Орды в 1502 г. еще в течении 2 лет, как раз до 1504 г., не было достоверно известно, что последний хан Шейх-Ахмет не сможет каким-то образом вновь начать воевать за влияние в степи (это, кстати говоря, сказалось и на титуле того же крымского хана Менгли-Гирея, который лишь с 1504 г. смог уверенно официально величать себя правителем Улуг-Улуса или Большой Орды, бывших земель Шейх-Ахмета).

М.Г. Сафаргалиев и Ю.В. Сафаргалиев обратили внимание на договор, заключенный в 1504 г. между Иваном III и Юрием Рязанским, в котором Касимов – «Царевичев Городок», – по мнению данных ученых, приравнивается по статусу к Орде (Большой Орде), Крымскому, Казанскому и Астраханскому ханствам. И во все эти татарские образования московский и рязанский князья будто бы по завещанию Василия II платили «выход», и рязанскому князю будет дозволено прекратить вносить платежи лишь тогда, когда это сделает московский правитель [29, с. 257; 30, с. 120]. Эта оценка очень важна и для определения статуса царевичей, которые, при такой оценке как бы в некотором отношении приравниваются к ханам вышеупомянутых государств (тем более, что данные исследователи и склонны рассматривать Касимов в качестве одного их осколков Золотой Орды) [29, с. 257; 30]. Вместе с тем Василий Темный не платил до конца своих дней никакой дани ни в Казань, ни тем более в Крым и Астрахань. И в его «духовной грамоте» завещается, что, если «Бог переменит Орду», Иван III не будет в нее платить дань и не станет взимать ее частичной оплаты с удельных князей [8, с. 196]. Но в 1504 г., после падения Большой Орды, Иван III в договоре с рязанским князем мог сослаться на этот пункт разве что лишь в том смысле, что, если он прекратит выплачивать какие-то суммы татарам, то не станет брать податей и с рязанского князя. И Царевичев городок в том договоре отнюдь не выступает в качестве отдельного постзолооордынского государства наравне с Большой Ордой (к тому времени ликвидированной), Крымским, Казанским и Астраханским ханствами. Ведь наряду с ним упоминались и «иные» «цари» и «царевичи», которые будут в «земле» великого московского князя, содержать которых также должны были московский и рязанский князья и их наследники [8, с. 367–368]. А этих царей и царевичей точно никак не возможно приравнять к Казани и Астрахани. Касимов, он же Царевичев Городок, упомянут наряду с ними отнюдь не в качестве осколка Золотой Орды типа Большой Орды, Казани и Астрахани, а, скорее, как своеобразный удел, определенно расположенный на территории Московского княжества. В этом плане он выделялся даже на фоне Казанского ханства, которое находилось в то время под московским влиянием, но все же по-прежнему считалось отдельным государством. По мнению Д.М. Исхакова, в «начале XVI в. среди тюркских правителей Казань и Мещерский городок воспринимались как равнозначные «мес-

та», что говорит о близости статусов Казанского ханства и мещеры...» [10, с. 194]. Вместе с тем в указанном исследователем источнике статусы Казани и Касимова отнюдь не уравниваются. Крымское посольство в Москве услышало от имени великого московского князя отказ на получение во владение Казани и Касимова, так как московский «государь» считал «негожим» кому бы то ни было выдавать эти «непорожные» территории, так как не в его желании было смещать местных чингисидов – казанского «царя» и касимовского «царевича». О «равнозначном» статусе Казани и Касимова при этом не сказано, несмотря на то, что оба они выступают зависимыми от Москвы образованиями, в которых московский князь имел право менять или не менять правителей [32, с. 15]. Таким образом, Царевичев городок в договоре между московским и рязанским великим князьями 1504 г. отличается по своему статусу от постзолотордынских государств ввиду своей принадлежности к территории великого Московского княжества.

В следующем 1505 г. Ивана III не стало. Наступила пора Московского княжения Василия III г., выходящая за хронологические рамки настоящего исследования.

В целом можно прийти к следующим выводам. Касимовские Чингизиды и при Василии II, и при Иване III имели служилый, вассальный статус. Более того, Иван III упоминал возможность замены Данияра при его жизни другим касимовским царевичем. Во время военных кампаний касимовские царевичи подчинялись распоряжениям московского князя. Московский князь посылал их участвовать в военных действиях и даже гарантировал крымскому хану, что пошлет Данияра воевать с Большой Ордой, если та вторгнется в Крымские пределы.

Несение военной службы было, надо полагать, главной обязанностью касимовских Чингизидов, а маневренная малочисленная касимовская конница хорошо себя проявила в войнах с ордынцами и новгородцами [13; 14; 15] (хотя при случае и в XV, и в XVI вв. московские правители были не против попытаться посадить их на казанский престол, чтобы через них установить свое влияние над соседним Казанским ханством). А московские князья, вкуче с рязанскими и удельными, оплачивали их содержание. Кроме того, еще со времен Василия II касимовские Чингизиды получали ясак от окрестных ясачных людей – «бесермен», мордвинов, «мачяринов», – и, видимо, иногда взимали непосильные поборы: согласно договору Ивана III с тогдашним рязанским князем Иваном Васильевичем 1483 г., с тех ясачных людей, которые бежали из Мещеры в Рязанщину и не желали возвращаться назад, требовалось взимать налоги в пользу касимовского царевича Данияра лишь «по силе» [8, с. 283, 287–288].

Служилый статус касимовских правителей, надо полагать, во многом был основан на их проживании в составе великого княжеского Московского: Мещерская земля, г. Касимов считались «землей» великих московских князей. При этом, возможно, в качестве одного из факторов, определявших такое положение касимовских «царей» и «царевичей», стоит учесть немногочисленность касимовского войска. Согласно данным русских и иностранных источников, в 1470-х гг. оно составляло всего несколько сот человек. Касимовские Чингизиды без московской военной поддержки не могли чувствовать себя спокойно на пограничье. С таким маленьким воинством они не могли нигде в степи создать устойчивое государственное образование вроде оскол-

ков Золотой Орды, способное конкурировать, к примеру, с Казанским ханством. Ведь Казанское войско в XV в. исчислялось тысячами: хорошо известно, что 7 июля 1445 г. в битве под Суздалем к востоку от Спасо-Ефимьева монастыря, сыновья Улуг Мухаммада выставили против 1,5 тысяч великокняжеских бойцов 3,5 тысячи татар. (Хотя, в некоторые походы казанское правительство посылало относительно немногочисленные отряды. Например, в поход на Устюг в 1446 г. тот же Махмуд, ставший к тому времени казанским ханом, отправил 700 человек со своего «двора» [21, с. 44, 88]. Однако и это было побольше, чем описанные в знаменитом рассказе А. Контарини 500 касимовских конников, которые, согласно московскому летописанию, могли разместиться на постой в двух маленьких пригородных новгородских монастырях). Таким образом, служилые Чингизиды, неся Москве военную службу, сами в определенной смысле опирались на Московское государство, одно из сильнейших государственных образований Восточной Европы.

Не менее важным и, увы, практически неизученным остается вопрос об отношении к служилым татарам и к союзным Москве татарским войскам в разных регионах Руси. В историографии этой проблематике уделялось мало внимания. Пожалуй, впервые об этом был поставлен вопрос в статье Н.П. Павлова о служилых татарах. По мнению ученого, в русском обществе к ним было отношение негативное: противники Василия II ставили ему в вину, что он привел многих татар на Русь [16, с. 168].

22 сентября 2016 г. в г. Москве в Высшей школе экономики на заседании семинара Лаборатории медиевистических исследований состоялось обсуждение новой монографии Б.Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.» [28]. В ходе него Б.Р. Рахимзянов высказал мнение, что «старомосковское общество» относилось к татарам «отрицательно». Зависимость Руси от Орды, по его словам, обусловила фактор взаимной неприязни.

Я, напротив, высказал замечание, что в разных русских землях к ним относились по-разному, приведя несколько примеров из источников.

Например, в Новгороде во времена Василия II их смешивали с татарами Улуг Мухаммада, которые собирали дань на Руси (хотя на самом деле последних Василий II отослал назад еще до своего ослепления в феврале 1446 г. [25, с. 47; 26, с. 75, 185]).

Согласно новгородскому летописанию, свергнувшие в 1446 г. Василия II с московского княжения Дмитрий Шемяка и его союзники обвиняли того, что тот любит татар сверх меры и раздаст им в кормление города: «чему еси татар привел на Рускую землю, и города дал еси им, и волости подавал еси в кормление? А татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и серебро и имение даешь татаром» [22, с. 443]. Безусловно, речь идет о служилых татарах (правда, новгородский хронист смешал их с теми татарами Улуг Мухаммада, что собирали на Руси контрибуцию – ведь в основном Василий II был обвинен в том, что он хотел передать Москву казанскому хану. Новгород не знал служилых татар и их появление в Москве мог толковать как уступку хану. Но при этом новгородский хронист дает вполне верную и емкую характеристику службы татар, которым, как это хорошо видно на примере Касимова, действительно выделялся город для проживания и средства на содержание). Впрочем, к этим служилым татарам Шемяка в самом деле относился с предубеждением. Согласно посланию церковных иерархов Шемя-

ке от 29 декабря 1447 г., он утверждал, что те «изневолили» Москву. В ответ иерархи обещали, что Василий «татарь изъ земли вонъ отошлетъ» как только Шемяка выполнит все условия мирного договора [1, с. 79]. Вероятно, они понимали, что Василий II этого делать не собирался (как потом и его преемники). Но поскольку галицкие князья служилых татар знали не намного больше, чем новгородцы, иерархи возможно решили не вдаваться в излишние разъяснения, а дали такое обещание, чтоб как то урезонить Шемяку подчиниться великокняжеской власти. С другой стороны, они выражали официальное отношение московских властей к служилым татарам.

Но в Москве к татарам было отношение более привычное, чем в иных городах. В «Словесах избранных» упоминается, что татары Муртазы по их татарскому «обычаю» охраняли Москву в 1471 г. во время московского похода на Новгородскую землю. Данный памятник был составлен позднее этой компании, но не позже начала XVI в., когда один из его списков был включен в Софийский свод. Таким образом, он констатировал наличие в Москве конца XV – начала XVI в. обычая использовать служилых татар при охране города.

Соответственно, москвичи привыкли их видеть в своем городе.

А вот для жителей севернорусских вечевых республик – Новгорода и Пскова – встречи с татарами, как служилыми, так и союзными Москве – казанскими – были большой редкостью. В этих землях татары не проживали и приходили туда эпизодически, с московскими войсками. Поэтому местные летописцы придавали им большее значение, чем московские. Так, именно из новгородского летописания мы узнаем об участии казанских татар со своим ханом Махмудом в московско-новгородской войне 1456 г. и решающем сражении под Русой [23, с. 194–195]. Причем, именно казанцам, а не москвичам, новгородский хронист, в отличие от московского, приписывает обстрел новгородских коней [23, с. 195], сыгравший заметную роль в поражении новгородцев. Казанский хан Махмуд имел с Василием II мирные отношения и вполне мог участвовать со своими татарами в этой кампании. Хотя, не исключено, что новгородский книжник преувеличил исключительную роль казанцев в обстреле новгородских коней: вообще, новгородцы к татарам относились с большим опасением, как это видно из местного летописного рассказа о Шелонской битве.

Именно новгородский хронист прямо упоминает участие засадной татарской рати в Шелонской битве 14 июля 1471 г. (в московском великокняжеском летописании в свою очередь говорится о неких отрядах с экзотической символикой, зашедших «с тыла» к новгородцам). Причем, по словам летописца, именно татары нанесли поражение новгородским бойцам, напав на них после того, как те отогнали за реку москвичей [22, с. 446–447]. При этом новгородский хронист с одной стороны отмечает победу новгородцев над москвичами (что не соответствует рассказам об этой битве других источников), но с другой стороны потерпеть поражение от небольшого отряда касимовских татар, с его точки зрения, не являлось позором.

Псковский хронист при описании русского похода на Ливонию 1501 г. помещает уникальное для русских источников упоминание об участии в этой войне татарского «царя», двинувшегося вместе с московским войском через Псков [25, с. 86–87]. Я полагаю, что речь может идти о казанском хане Абдул-Латифе. Крымский хан находился в то время на юге и не мог послать войска на Ливонию, отказавшись идти даже на Рыльск [11, с. 258]. Других

настолько союзных Москве татарских «царей» (именно царей, а не цариц), чтобы пойти с московским князем в поход на Ливонию, в то время не было. А поскольку участие крымского хана было исключено по вышеуказанной причине, логичнее всего, на мой взгляд, отождествлять безымянного летописного «царя» с казанским «царем» Абдул-Латифом. Москва в то время имела политическое влияние в Казани, и Абдул-Латиф вполне мог принять участие в великокняжеском походе на Ливонию наряду с москвичами и псковичами. (Казанские, как впрочем, и касимовские татары жили в лесной зоне, поэтому для них походы на Новгородскую землю, как и на Ливонию не составляли большой проблемы. И в отличие от крымцев, не пришедших в 1502 г. под Минск, они никогда не пытались оправдываться, что леса для них были непреодолимыми). Но для псковичей не привыкших видеть казанских татар, встреча с ними была необычным событием. Поэтому на псковского хрониста участие татар в этой кампании произвело наиболее яркое впечатление.

Таким образом, в изучаемый период источники определенно демонстрируют служилое положение касимовских Чингизидов и различное отношение в разных русских землях к служилым и союзным Москве татарам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: Типография экспедиции изготовления государственных бумаг. 1841. Т. 1. (1398–1504). 608 с.
2. *Бахтин А. Г.* Образование Касимовского и Казанского ханств. Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. 252 с.
3. *Беляков А. В.* «Касимовское царство» раннего периода (XV – первая половина XVI вв.): проблема интерпретации источников // Восточная Европа в древности и средневековье. 2005. Т. XVII. С. 172–175.
4. *Беляков А. В.* Чингизиды в России XV–XVII веков: Просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
5. *Беляков А. В.* Крымские выходцы в России. Служба и правовой статус // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 137–558.
6. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1863. Т. I. 558 с.
7. *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV и XVI вв. М., Л.: АН СССР, 1950. 593 с.
9. *Зимин А. А.* Витязь на рапутье: феодальная война в России в XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.
10. *Исхаков Д. М.* От Средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
11. *Несин М. А.* Из истории логистики русских войск в XV – начале XVI в. (Отзыв на работу В. В. Пенского «...И запас пашли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени») // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. 8. С. 134–166. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7 (дата обращения 27.04.2016)
12. *Несин М. А.* К вопросу о причине отступления татарского войска после стояния на Угре [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. I. С. 110–

132. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.milhist.info/2015/10/23/nesin_5 (дата обращения 23.10.2015)

13. *Несин М.А.* Военный поход на Новгород великого князя Московского Ивана III на Новгород в 1477–1478 гг. // Бомбардир. 2016. № 26. С. 58–80.

14. *Несин М.А.* Участие касимовского царевича Данияра в военных походах великокняжеских войск 1471–1472 гг. // Средневековые тюркско-татарские государства. 2016. № 8. С. 14–22.

15. *Несин М.А.* Царевич Касим на службе Василию II // Средневековые тюркско-татарские государства. 2016. № 8. С. 186–193.

16. *Павлов Н.П.* Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси // Учёные записки Красноярского государственного педагогического института. 1957. Т. IX. Вып. № 1. С. 165–177.

17. Полное собрание русских летописей. СПб.: типография Э. Праца, 1863. Т. 6. 358 с.

18. Полное собрание русских летописей. СПб.: типография М.А. Александрова, 1910. Т. 23. 154 с.

19. Полное собрание русских летописей. М., Л.: Наука, 1959. Т. 26. 413 с.

20. Полное собрание русских летописей. М., Л.: Наука, 1962. Т. 27. 418 с.

21. Полное собрание русских летописей. Л.: Наука, 1982. Т. 37. 228 с.

22. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры. 2000. Т. 4. Ч. 1. 728 с.

23. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры. 2000. Т. 16. 252 с.

24. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры. 2000. Т. 24. 288 с.

25. Псковские летописи. М.: АН СССР, 1955. Вып. № 1. 326 с.

26. Псковские летописи. М.: АН СССР, 1955. Вып. № 2. 370 с.

27. *Рахимзянов Б.Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. 207 с.

28. *Рахимзянов Б.Р.* Москва и татарский мир. Сотрудничество и противостояние в эпоху перемен XV–XVI вв. СПб.: Евразия, 2016. 396 с.

29. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 279 с.

30. *Сафаргалиев Ю.В.* Эволюция статуса Касимовского ханства в рамках русской государственности // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 118–123.

31. Сборник императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1884. Т. 41. 558 с.

32. Сборник императорского русского исторического общества. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. Т. 95. 788 с.

33. *Селезнев Ю.В.* Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовъ, 2017. 272 с.

34. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 366 с.

35. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства, издание 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань. Комбинат изд-ва и печати, 1923). М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. 320 с.

Сведения об авторе: Михаил Александрович Несин – младший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (197046, Александровский парк, д. 7, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: petergof-history@yandex.ru

Поступила 26.01.2017

Принята к публикации 12.05.2017

Опубликована 30.06.2017

THE STATUS OF KASIMOV CHINGGISIDS DURING THE REIGNS OF VASILY II AND IVAN III ACCORDING TO WRITTEN SOURCES

M.A. Nesin

*Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps
Saint Petersburg, Russian Federation
petergof-history@yandex.ru*

Research objective: To study the issue both of the status of Kasimov Chinggisids as well as of the attitude toward the service Tatars and the Tatars who were allied to Moscow during the reigns of the great Moscow princes Vasily II and Ivan III.

Research materials: Published and unpublished sources: books of official orders in the Russian state, chronicles, acts, diplomatic documents, etc.

Results and novelty of the research: This work is the first comprehensive study of this topic. The author comes to the conclusion that Kasimov's rulers during this period were considered servitors, vassals in relation to the Moscow principality. This was facilitated by the demesial position of Kasimov, which was considered part of the grand prince's domain rather than a sovereign splinter of the Golden Horde. Kasimov Chinggisids did not have a large military force in order to create an independent khanate in the steppe capable of competing, for example, with Kazan, and they relied on the strong Moscow principality performing military service for it, receiving money for proper maintenance and obeying the grand prince's orders. At the same time, Ivan III even considered the possibility of replacing Daniyar in Kasimov with another serving prince during his lifetime. In addition, the author shows how much the attitude towards the service Tatars and the Tatar detachments, who were allied to Moscow, differed in different Russian lands.

Keywords: Kasimov, Kasim, Daniyar, Nur-Davlet, Ivan III, Slatygan, Vasily II, Moscow Principality, Kazan Khanate

For citation: Nesin M.A. The Status of Kasimov Chinggisids during the Reigns of Vasily II and Ivan III according to Written Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 397–411. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.397-411

REFERENCES

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu kommissieyu* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya ekspeditsii izgotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1841. Vol. 1. (1398–1504). 608 p. (In Russian)
2. Bakhtin A.G. *Obrazovanie Kasimovskogo i Kazanskogo khanstv* [Creation of Kasimov and Kazan Khanates]. Yoshkar-Ola, MarGU, 2008. 252 p. (In Russian)
3. Belyakov A.V. «Kasimovskoe tsarstvo» rannego perioda (XV – pervaya polovina XVI vv.): problema interpretatsii istochnikov [“Kasimov Tsardom” of the Early Period (15th – the first half of the 16th centuries): The Problem of Interpretation of Sources]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages]. 2005. Vol. XVII, pp. 172–175. (In Russian)

4. Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii X–XVII vekov: Prosopograficheskoe issledovanie* [The Chinggisids in Russia in the 15th–17th centuries: Prosopographic Research]. Ryazan, Mir Publ., 2011. 512 p. (In Russian)

5. Belyakov A.V. Krymskie vykhodtsy v Rossii. Sluzhba i pravovoy status [Immigrants from the Crimea in Russia: Employment and Legal Status]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016. No. 1, pp. 137–558. (In Russian)

6. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [The Study of Kasimov Tsars and Princes]. 2 e izd. St. Petersburg, tip. Imp. Akademii nauk Publ., 1863. Vol. I. 558 p. (In Russian)

7. Gorskiy A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 214 p. (In Russian)

8. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XV i XVI vv.* [Spiritual and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes of the 15th and 16th centuries]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 593 p. (In Russian)

9. Zimin A.A. *Vityaz' na rasput'e: feodal'naya vojna v Rossii v XV v.* [Knight at the Crossroads: Feudal War in Russia in the 15th century]. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 286 p. (In Russian)

10. Iskhakov D.M. *Ot Srednevekovykh tatar k tataram Novogo vremeni (ehtnologicheskij vzglyad na istoriyu volgo-ural'skih tatar XV–XVII vv.)*. Nauchnoe izdanie [From the Medieval Tatars to the Tatars of Modern Time (ethnological view on the history of the Volga-Ural Tatars of the 15th–17th centuries). Academic Publication]. Kazan, Master Layn, 1998. 276 p. (In Russian)

11. Nesin M.A. Iz istorii logistiki russkikh voysk v XV – nachale XVI v. (Otzyv na rabotu V.V. Penskogo «...I zapas pasli na vsyu zimu do vesny»: logistika v voy-nakh Russkogo gosudarstva epokhi pozdnego Srednevekov'ya – rannego Novogo vremeni») [From the History of Logistics of Russian Troops in the 15th – beginning of the 16th centuries (Feedback on the work of V.V. Penskoj “... and the stock was grazed all winter until spring”: logistics in the wars of the Russian state of the late Middle Ages – early Modern Times”)]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [History of Warfare: Studies and Sources]. 2016. Vol. 8, pp. 134–166. Available at: http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7 (accessed 27.04.2016) (In Russian)

12. Nesin M.A. K voprosu o prichine otstupleniya tatarskogo voyska posle stoyaniya na Ugre [On the Issue of the Reason for the Retreat of Tatar Army after the Standing on the Ugra]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [History of Warfare: Studies and Sources]. 2015. Spetsial'nyy vypusk V. Stoyanie na reke Ugre 1480–2015. Part I, pp. 110–132. Available at: http://www.milhist.info/2015/10/23/nesin_5 (accessed 23.10.2015). (In Russian)

13. Nesin M.A. Voennyi pokhod velikogo knyazya Moskovskogo Ivana III na Novgorod v 1477–1478 gg. [The Military Campaign of the Grand Duke of Moscow Ivan III against Novgorod in 1477–1478]. *Bombardir* [Bombardier]. 2016. No. 26, pp. 58–80. (In Russian)

14. Nesin M.A. Uchastie kasimovskogo tsarevicha Daniyara v voennykh pokhodakh velikoknyazheskikh voysk 1471–1472 gg. [Participation of the Kasimov Prince Daniyar in Military Campaigns of the Grand Duke's Troops in 1471–1472]. *Srednevekovye tyurksko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. 2016, No. 8, pp. 14–22. (In Russian)

15. Nesin M.A. Tsarevich Kasim na sluzhbe Vasiliyu II [Prince Kasim in the Service of Vasily II]. *Srednevekovye tyurksko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. 2016. No. 8, pp. 186–193. (In Russian)

16. Pavlov N.P. Tatarskie otryady na russkoy sluzhbe v period zaversheniya ob"edineniya Rusi [Tatar Detachments in the Russian Service during the Final Period of Rus' Unification]. *Uchenye zapiski Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific Notes of the Krasnoyarsk State Pedagogical Institute]. 1957. Vol. IX. No. 1, pp. 165–177. (In Russian)

17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg, tipografiya E. Pratsa, 1863. Vol. 6. 358 p. (In Russian)
18. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg, tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910. Vol. 23. 154 p. (In Russian)
20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1959. Vol. 26. 413 p. (In Russian)
21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1962. Vol. 27. 418 p. (In Russian)
22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. Vol. 37. 228 p. (In Russian)
23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 2000. Vol. 4. Part 1. 728 p. (In Russian)
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 2000. Vol. 16. 252 p. (In Russian)
25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 2000. Vol. 24. 288 p. (In Russian)
26. *Pskovskie letopisi* [Pskov Chronicles]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1955. Is. 1. 326 p. (In Russian)
27. *Pskovskie letopisi* [Pskov Chronicles]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1955. Is. 2. 370 p. (In Russian)
28. Rakhimzyanov B.R. *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [Kasimov Khanate (1445–1552). Historical Essays]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2009. 207 p. (In Russian)
29. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ordy* [The Golden Horde's Dissolution]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe Publ., 1960. 279 p. (In Russian)
30. Safargaliev Yu.V. Evolyutsiya statusa Kasimovskogo khanstva v ramkakh russkoy gosudarstvennosti [Evolution of the Status of Kasimov Khanate within the Framework of the Russian Statehood]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Chuvash University. Humanities]. 2008. No. 4, pp. 118–123. (In Russian)
31. *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, Tip. F. Eleonskogo i K., 1884. Vol. 41. 558 p. (In Russian)
32. *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, Pechatnya S.P. Jacovleva, 1895. Vol. 95. 788 p. (In Russian).
33. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya pri dvore hanov Zolotoy Ordy* [Russian Princes at the Court of the Golden Horde Khans]. Moscow, Lomonosov, 2017. 272 p. (In Russian)
34. Khoroshkevich A.L. *Rus' i Krym. Ot soyuza k protivostoyaniyu* [Rus' and the Crimea. From Alliance to Confrontation]. Moscow, Editorial URSS, 2001. 336 p. (In Russian)
35. Khudyakov M.G. *Khudyakov M.G. Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the History of Kazan Khanate]. Izdaniye 3-ye, dopolnennoye. Vosproizvedeno po tekstu 1-go izdaniya (Kazan'. Kombinat izd-va i pechati, 1923). Moscow, INSAN, Council for the Preservation and Development of Small Nations' Cultures, SFC, 1991. 320 p. (In Russian)

About the author: Mikhail A. Nesin – Research Fellow, Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps (7, Aleksandrovskiy Park, Saint Petersburg 197046, Russian Federation). E-mail: petergof-history@yandex.ru

Received January 26, 2017

Accepted for publication May 12, 2017

Published June 30, 2017